

ЩЕДРОСТЬ ДУХОВНОГО ВЗЛЕТА

Писатели о творчестве Роллана Сейсенбаева

СТАТЬ ВЫШЕ СЕБЯ

Автор романов «Лестница в никуда», «Ночные голоса», «Если хочешь жить», «Трон Сатаны», «Мертвые бродят в песках», большого числа повестей и рассказов, целого ряда пьес, спектакли по которым идут на театральных сценах, Роллан Сейсенбаев занимает одно из ведущих мест в современном казахском литературном процессе. Одинаково свободно пишет он и на родном, и на русском языке и сочетает знание национальной среды со способностью воспринимать ценности других духовных миров. Читателю его произведений нетрудно ощутить присутствие в них черт, свойственных новейшим поискам художественной прозы. Очевидны вместе с тем оригинальность, своеобразие творческой манеры и общей эстетической концепции писателя. С первых шагов в литературе Р. Сейсенбаев свободен от многословной описательности, которой немало грешат казахские прозаики. Художественно-выразительные средства его существенно модернизированы. Слово Р. Сейсенбаева не блуждает на подступах к действительности, но выходит на нее стремительно, улавливает и отражает явление адекватно, с высокой степенью точности. Можно в этой связи говорить не только об определенном свойстве природного дарования писателя, но и об особой, продуманной и последовательно реализуемой, творческой программе, приводящей слово в соответствие с собственной целью.

В произведениях Р. Сейсенбаева широчайший круг тем, множество социальных типов, разнообразных характеров. Его персонажи живут и действуют в городах, поселках, аулах, в отдаленных мирах чабанов и табунщиков – по всей громаде пространств Казахстана. В их повседневной жизни случаются события, имеющие начало в прошлом. Но эти встречи с ушедшим временем никогда не окрашиваются писателем в цвета ностальгии. Они нужны ему в той мере, в какой способны оживить память, помочь избавиться от фрагментарности в понимании настоящего.

Самоощущению героев Сейсенбаева присуще чувство исторического оптимизма. Они не отчуждены от жизни, все, что в ней происходит, зависит и от них, от их деятельного и разумного участия. Рассказывая о народе, обретающем для себя новую историческую реальность, писатель закономерно вооружается методом и арсеналом средств испытанного временем реалистического повествования.

В отношении популярных увлечений мифотворчеством он остался невозмутим, понимая ограниченность мифа, подменяющего действительное движение к

цели иллюзией сотворения новых состояний. При всей завершенности, полной самодостаточности его рассказов и повестей в них ощутима внутренняя предрасположенность к видовым качествам романного повествования.

Мир отношений, явлений, предметов тяготеет к эпической объективированности, полифонизму голосов. В рассказах и повестях немало эпизодических персонажей, точно выполняющих свою функциональную роль, но и не оставляющих сомнений в своей дееспособности в системе крупных эпических форм.

В полном соответствии со своей эстетической программой писатель активен, целеустремлен в утверждении собственных гражданских позиций.

В атмосфере динамичных перемен для него неприемлемы конформизм, бездеятельность, демагогические, беспомощные, по существу, рассуждения о том, что нужно для блага народа и его культуры.

Продолжая идущую от великого Абая традицию этнической самокритики, Сейсенбаев сочетает ее с резким осуждением нигилистического отношения к лучшим духовным традициям народа.

Мировоззрению писателя органично присущи гуманизм, подлинный интернационализм. Люди различных национальностей представлены в его произведениях полнокровно, с большой достоверностью своих этнокультурных особенностей и вместе с тем с убежденностью автора в абсолютной ценности братства народов.

Характерна в этом отношении «Честь». В начале XVIII в. между казахами и джунгарами, соседними народами с различиями в языке и вере, но с идентичным (кочевым) типом хозяйствования и сходным образом жизни, началась война, которая не могла закончиться иначе, как полным истреблением одного из них. Джунгары сошли с исторической арены, но остались в обыденном сознании казахов как образ – символ врага. Инерция подобного к ним отношения оказалась живучей. Устойчива она и в новой казахской литературе исторического жанра.

Неожиданной, сокрушающей вековой стереотип, явилась трактовка Сейсенбаевым в «Честь» образов пленных джунгар – прекрасной танцовщицы и превосходного музыканта, сохранивших мужество и гордость среди опьяненной слепой жаждой расправы толпы казахских воинов.

Его слово идет, как душа истекающая, как кровь, бьющаяся из вен, – вот таким должно быть настоящее Слово. Роллан Сейсенбаев показывает щедрость духовного взлета, – не щадить себя, честно называть проблемы.

Сколько их у нас?..

Сколько лжи в нашей истории!

Неоднократно мир становился на краю катастрофических потрясений, и всегда рождалось Слово. И тогда Слово выходило на предельную мобилизацию духа.

Образы, созданные писателем Ролланом Сейсенбаевым, призывают всех нас стать выше себя. Существует глубочайшая корневая связь гуманизма, народности, реализма, прогрессивной философской и мировоззренческой ориентации.

Творчество Роллана Сейсенбаева, подтверждающее истинность этой взаимосвязи, полномочно представляет одну из самых зрелых тенденций в развитии современной казахской литературы.

Мұрат Ақзоб

ДЖИГИТ И ГРАЖДАНИН

О координатах нравственных исканий
молодых героев Роллана Сейсенбаева

Проза Роллана Сейсенбаева – явление в многонациональной нашей литературе. Он автор романов «Лестница в никуда», «Если хочешь жить», «Ночные голоса» «Бегство», «Трон сатаны», нескольких повестей, цикла рассказов, а также десятков пьес и киносценариев.

В казахской литературе последних десятилетий набирает силу стремление воссоздать живую, полнокровную картину исторического бытия народа. В этот контекст национальной прозы органично входят и остросовременные произведения Роллана Сейсенбаева, исповедующие правду. Его критики отмечали, что в этих произведениях идея целостной судьбы казахов прослеживается и утверждается на материале сегодняшней жизни, что историческое здесь ни в коем случае не отрицается современным, присутствует в нем естественно. Из этой почвы-синтеза прорастает и чувство исторического оптимизма, свойственного мироощущению героев писателя. Они не оторваны от жизни, они – в ее эпицентре, и все, что происходит в ней, кровно касается и их, зависит от их прямого участия.

Настоящему таланту есть что сказать, а нам, читателям, есть чему, с интересом и пользой, внимать в его повествованиях.

Пытаясь понять космос казахского народа, я приник с увлечением к роману «Трон сатаны», потому что тут – про современный Казахстан: что же случилось? Как устроились жить некогдашние кочевники в городской цивилизации?

Следует сказать, что Р. Сейсенбаев писал роман, как бы применяя кочевую тактику: он заманивает читателя как противника на свое «угощение», за свой «дастархан»: вот ввел двух персонажей, срастил их с сюжетом, заинтересовал – и оставил на время; и тут же налетает другой сюжет-вихрь, с другой парой действующих лиц (но один из них уже знаком – он как связной в нитях плетения); и так – волна за волной – на протяжении всего повествования. В итоге выстраивается юрта-космос романа, вмещающая в себя объемное целое бытия.

Но эти круги и волны – не только горизонтальны, как барханы, но и вертикальны во Времени и Пространстве. Во-первых, в пласты прошлого уходит взгляд писателя: послевоенная разруха и бедность, война; глуше – о предыдущих событиях: у бабушки из восемнадцати детей за драматическую историю нашу остался жив лишь один сын Ескендир; наконец, в толщу преданий: как бы доисторическое время черпается в песне акына-жырау о батыре Кушикбае, о Чести и Мужестве прощения.

А во-вторых, в Пространстве выстраивается пирамида существования, или здание общества с его «подвалом», дном, исправительно-трудовым лагерем, куда после рыцарской драки за честь возлюбленной попадает главный герой. И если в двух первых частях романа – среда литературно-художественной богемы, студенчества, где все так легковесно и люди чуть ли не «с жиру бесятся» в перекрестных адюльтерах, то в третьей, завершающей – «дно», что аналог ада, – «не до жиру – быть бы живу»: там мир блатной (недаром и с «Калиной красной») Шукшина тут идет некий диалог) и закон жесткий: пахан и поножовщина – там

«трон сатаны», как у Данте в десятом круге «Ада». Так что в эмоциональной гамме романа сначала весело, а потом грустно и даже жутковато...

Окончив чтение, я задумался: а ведь нет в романе описания помещений, домов, обстановки, все нейтрально: безликое квартиры современного дома, номер гостиницы, даже в лагере барак и нары не выписаны... Внешняя деталь? Не совсем: она говорит об отсутствии БЫТА, устроенности, а значит, и основательной устойчивости – оседлой или кочевой (и у кочевья есть своя стабильность – не измененность эллипса годовых передвижений, стойкость быта и обычаев). Тут же многие герои – как стронутые, ни на чем не держащиеся души, как пылинки, чуть что – сдуваются. Даже в своем теле еле держатся (недаром нет и портретов, что степень прилепления души к телу знаменуют) – не в том смысле, что нездоровых, а с легкостью отдаются страстным вихрям души: то любовно-чувственной страсти, то ошеломлению гнева и императиву чести, что неудержимо влечет на схватку звериную, на нож и смерть.

А ведь почти все герои романа такие милые молодые люди, но какие-то непутевые и бестолковые: не имеют и не умеют, чем и за что держаться в жизни. Старые устои рода и традиции, что предопределяли поведение и ритм жизни каждого индивида, размыты, унеслись в невозвратимое прошлое, в сказку уже и легенду... Последняя из них Макпал – бабушка Абылая. Но хорошо потрудились история в XX веке над усечением родо-жизненных корней: много было оснований, по каким восемнадцать ее детей были на разных перегонах убиты. Поколение отцов – самумом Войны изучено, отозвалось время и на женщинах: Айша, мать Абылая, стала пить, потеряла волю... А уж следующее поколение – основной костяк действующих лиц – совсем безгнездые существа; если и свивается случайно все же семья с дитятей, то она – уже изначально подпорчена на лжи. Сауле, обесчещенная неким подонком в джинсах, не находит в себе силы признаться в этом Абылаю. Хотя и любит его, но выходит замуж за комсомольско-аспирантского карьериста Салима (вот уж человек «положительный», усвоил, в чем стабильность новая: в иерархию государства вращать), и вот она уже катает коляску, но ей стыдно перед сестрой Абылая, который, вступаясь именно за честь Сауле, пырнул негодяя ножом и попал в лагерь... Распалась и семья художника Кайрата: бросил он свою Катиру с дочерью Айгуль, не прожив и года, а ведь ожидал-хотел любви единственной. И вот она пришла – любовь на всю жизнь к Баян-журналистке. Они встречаются урывками в течение нескольких лет и прочней друг к другу привязаны – и почему бы не пожениться?.. Но Баян мешает неотступное видение разбившегося летчика – ее первого мужа, Омара, романтического, хотя ею и не любимого...

Что за напасть такая? Почему все позитивности так зыбки, неустойчивы?

Молодые герои словно держатся за свое переходное состояние: быть свободными душами, тонко и остро чувствующими голоса и зовы внутреннего мира души и жизненной воли своего природного существа, – но не дать себя встроить в тяжкие формы быта, и вообще во все структуры гражданско-цивильного существования...

В воспоминаниях Абылая проходит диалог родителей, услышанный им в детстве: отец хочет, чтобы он стал юристом, мать – человеком искусства. Но итоговый вывод: «Если Абылай вырастет настоящим джигитом, кем бы он ни был, мы не зря проживем свою жизнь».

«Настоящим джигитом»... Осторожно с этим идеалом. Давайте-ка вдумаемся

Значит, наши казахи «третьего поколения» – раскованные хотел сказать «индивидуальности»... Но осекся. Они как раз малохарактерны; все на одно лицо: девушки – милы, тонки и отзывчивы; молодые люди – хорошие друзья, понимают искусство и поэзию, все талантливы и что-то обещают в будущем. Но ведь индивидуальность – это уникальная особенность ума и характера. Так, неповторимы кузнец Бекболат, певец-жырау Сабыр, что лейтмотивную сквозь роман легенду о чести батыра Кушикбая сказывает. Даже в тех, кто принадлежит поколению отцов и матерей, больше характерности – от судеб разных, от перипетий, в какие их ставит жизнь. Но у наших новых – очень уж однообразны ситуации, в которых они оказываются: учеба, стройотряд, дружба, девушки, искусство-газета... Бедновато, невариантно. И, как это ни парадоксально, скорее на «дне», в колонии характеры: пусть изувеченные шрамами необычной жизни, но в них есть судьбы, черты натуры и особенности языка. Тут оплачены муками тела резкие реакции души в свободном мире, на «гражданке». Но все эти Кобыланды, Юрченки и Пантеры – так ли уж виноваты? Изувечены войною, изменой матерей отцам – и затаили злость на прочее...

Итак, наши милые молодые пока лишь потенциально герои. Им дана Свобода, они в ее пространстве. Но... не знают, на что ее употребить. Какие ценности ими руководят? Шампанское, любовь, талант и ожидание творчества, милая богема, что на себе печать меланхолии уж носит: ведь не век же ей (богеме) быть, и хорошо, кто молод из нее уйдет (да и из жизни), как поэт Мукагали или художник Даулет...

Значит – свободны. Куда ж вращать? В какой идеал?

Есть высший идеал – Личность. Ею стать – свободной и самообуздывающейся. На пути к ней гражданин Ескендир, отец Абылай, честный и неподкупный судья, что не поддается на родово-патриархальное кумовство и не покрывает взяточника; но и самому ему за это врезали, наказав жестоко его сына. Однако он терпит стоически – страж порядка и в державе, и в самом себе: не дает разнуздаться стихии – гнева ли, страсти ли...

Но что-то скучноват для молодых этот идеал – Гражданина, жителя цивилизованного общества и города. Душу манит иной идеал – из золотых преданий: «Джигит» во казахстве – как «Джентльмен» во английстве: всенепременное и всеприсущее свойство... А что такое – джигит? Это удалой человек и, прежде всего, человек Чести. Но и Мести (недаром они в рифму), значит не прощает обид, удар за удар, око за око... Как батыр Кушикбай в боях с джунгарами и в поединке с Анархоем. Ветхозаветная стадия сознания, этики.

Абсурдность действия прежних идеалов в новой ситуации и являет роман Сейсенбаева. И это просто жизненно-самоохранительно для народа и духа становится. Закон воздержания от насилия (хоть бы и геройского) переводит шкалу ценностей в душе казаха на иной диапазон, на иные волны, на иные понятия.

И тут впереди как идеал – образ Личности: той, что не кипящей силою и волею возвышается, но пониманием ближнего, жалением. То есть идеал не силы, а как бы слабости, но которая есть как раз выражение силы духа и его власть над собой, над своими инстинктами.

Уважать закон и отказаться от самосуда – к этому приходит наш Абылай в исправительно-трудовом лагере. И все же рок идеала джигита подстерег, ударил его: вступился за друга в драке с паханом – получил ножом в бок...

Также и авторитетом предания примирение и прощение проповедуются: когда молодой батыр Кушикбай, победитель старого и подлого Тобета, по просьбе мудрецов-аксакалов не убивает противника. Также завещается и мир с другими народами: во любви взаимной Кушикбая и джунгарской пленницы.

Никто в романе не может быть свободной личностью, не может самодержаться в этом состоянии, но сдувается ветрами степными (ветры кочевья еще в душах, по Психее казахства прокатываются)... Что значит – извечная привычка быть всем вместе, друг с другом, а не САМОдержаться! Но в мире цивилизации надо вырабатывать в себе иной устоя – уважение закона и порядка, поступаясь джигитством.

Дивно, как бывшие номады, попав в свободу, в город из природы, блуждают, как сомнамбулы, не усматривая предметов положительной привязанности! Вспомним, какие миры открыла европейская гражданская жизнь – просто в ухаживании за женщиной, в культуре «страсти нежной»! «Новая Элоиза», «Вертер», тургеневские сюжеты, да и любовь Абая и Тогжан в романе Мухтара Ауэзова... Какие устремления-страсти в душе возгораются, когда случаются переходы с одного уровня-круга сословия на другой (Арган из «Мещанина во дворянстве» или Растиньяк из «Отца Горио» и т. д.). А тут мир наружный упрощен, примитивен, малоинтересен... И, судя по некоторым деталям (звонкам начальничков-заступничков за родственничков судьбе Ескендиру, и образу комсомольчика Салима), совершенно неэстетичен и непривлекателен.

Но тогда возлюби свое дело, свое творчество – пуще джигитства! Да, этот путь-выход намечен поэтом Мукагалием, художником Даулетом, юристом Ескендиром. Путь труда-творчества и любви как семьи – вот тот положительный вектор-направление, в каком возможен побег из лагеря своей собственной Психеи, где свил трон сатана, присосавшись к идеалу «джигитства». Вот в чем человеку спасение от свободы, не наполненной смыслом.

А смыслы надо сотворить, выткать их из себя, никто их не преподнесет. Свобода есть творчество, а не потребление: свободу не получают, ее создают через созидание Личности в себе.

И первый тут начаток – воздержание от насилия, от кипящести джигитства. Да, сумей осилить накат нетерпения, тот моментальный позыв, каким тебя «бес» подмывает-хватает (он именно на скоростях работает – потому мы все и крепки «задним умом»). Так вот: осадил себя, как коня горячего, и направь эту энергию, что в джигитстве выплескивается в степь, в смерть, в восхождение души своей в высоком самовоспитании, где тонкость и понимание ближнего, любовь и милосердие.

На то есть и мудрая старая казахская пословица, что лейтмотивом в романе проходит: «Если не спешить, то и на арбе можно зайца догнать».

И вместо идеала Чести да заработает – Совесть.

В чем тут разница? В идеале Чести я вижу грех-вину-ошибку другого, сам же себя – правым и судящим. В чести и мести за нее – я сужу другого. В Совести же я гляжу внутрь себя и обнаруживаю, что сам-то я не больно хорош, чтобы браться судить другого... И на основе этого чувства – воздержание от действия злого возможно.

В романе изображены души ярко эмоциональные, даже экстатические, чего-то благого взыскующие. Но не справляются с нагрянувшим при переходе от про-

стоты кочевья к сложности гражданского общества с множеством ценностей, противоречивостью понятий. И выход – в поступательном развитии гражданской и духовной культуры и в личности, и в обществе.

Несколько слов о повестях Роллана Сейсенбаева.

Каждая из них имеет свой сюжет, своих героев и свое место в пространстве и времени. И вместе с тем это как бы вехи того пути, который прошел автор, прежде чем создать «Трон сатаны» – самую глубокую и объемную на сегодняшний день его вещь. Читателю интересно проследить, как размышления персонажей «Бегства» отзываются в образе Макпал, матери Ескендира, хранительницы семейного очага. Разрабатываемая в «Днях декабря» тема взаимоотношений художника и общества получит более полное воплощение в метаниях, падениях, взлетах и озарениях Кайрата и его друзей.

Однако это все же не «подмалевки» к роману, а произведения, которые имеют право на автономное существование, ибо на небольшом числе страниц выпукло показаны и судьбы людские, и быт, и думы людей, не важно – «простые» они или «сложные».

Синтез экзотического и обыденного является, пожалуй, основным формальным признаком построения повестей. Ретроспективные картины бедствий гражданской войны в Казахстане и размеренная жизнь дальневосточного портового городка, детективная закрученность сюжета, когда высадившиеся диверсанты, на вербованные фашистами для «Туркестанского легиона», сталкиваются с обитателями степей и гибнут в песках... Загадочный, элитарный мир кино; провинциальный аэропорт, битком набитый пассажирами; общежития, гостиницы; радость удачи и семейные дразги... Именно эта совокупность, дробность и высекает искру искусства, еще раз доказывая, что существует оно не в безвоздушном пространстве и питается отнюдь не только святым духом.

Внешняя занимательность, кинематографичность – это крона, а корни – в народной жизни, в том многовековом укладе, который не может и не должен исчезнуть бесследно. Не случайно одной из самых притягательных сцен повести «Так ждал я это лето» является танец, когда в едином кругу сошлись отступники и храбрый маленький Сеиль, сын степей. Сошлись, чтобы на считанные секунды стать народом, прежде чем окончательно размежеваться в кровавой драме.

И «Бегство», оно о том же: о тяге к родной земле, которую ты покинул, обогрив своей и чужой кровью, но жизнь без которой оборачивается жалким и бесцветным существованием. «И не было им прощения от родной земли», – заканчивает автор историю двух бывших басмачей Кудайбергена и Бексултана, на исходе своих дней возвратившихся на родину. Нет прощения, но они и на это согласны. Ведь САМИ вернулись, не могли не вернуться, ибо есть нечто высшее в человеке, что не может быть отринуто им, если он не хочет превратиться в прах, в пустоту.

Символична встреча казахского кинорежиссера из «Дней декабря» с его польским коллегой, который, пройдя ужасы гитлеровских концлагерей, возвратился в Польшу, но и его прошлое мучит своей недосказанностью. И душевные метания этого человека столь созвучны с тревогами молодого казаха, что дают последнему творческий импульс, поддерживают. Здесь национальные мотивы вырастают до общечеловеческих, всемирных и возвращают слову «интернационализм» его первоизданную и единственную суть – понимание разными по крови людьми друг друга.

Характерно, что большинство других произведений Р. Сейсенбаева тоже густо населено «детьми разных народов», которые, помня о своих национальных корнях, вместе живут, вместе обустривают эту землю, вместе побеждают и проигрывают, радуются и печалются. Отраднo, что тема дружбы народов проводится им последовательно и неустанно, внося свой вклад в разрушение мифа об изначальной, априорной вражде и несовместимости.

Горькие концовки у повестей, но не та это печаль, когда опускаются руки и взор застит сплошная черная пелена. Это горечь людей гибнущих, или заблуждающихся, или временно сбитых с толку. Но в ней же и надежда, что горький опыт этот не пройдет даром. Скорее не для персонажей, а для читателей.

Сгорающие судьбы хоть на миг да озарят путь, и количество света в мире увеличивается.

А мир этот становится все более сложен. Движимый добрым намерением поступок может оказаться глуп и вреден и даже безнравствен, если не сопряжен с глубоким раздумьем, рефлексией. Гамлетова пора размышления наступает для некогдашнего бурно реактивного джигита. Но она – тоже ценность, ибо развивает в нас внутренний мир, личность. А личность – уже опора и устой нового общества, основанного не на бездумном покорстве традиционному обычаю или предписанному единомыслию, по принципу: «как все – так и я», «не высовывайся!» и «не возникай!»,- но на том, что каждый человек – это Гражданин и смеет «свое суждение иметь». Творчество выдающегося художника слова Роллана Сейсенбаева содействует пробуждению самосознания, что так взыскуемо ныне нашими душами!

Георгий Тарев

ДУХОВНАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕИСТОВОСТЬ РОЛЛАНА

Меня очень многое связывает с казахской культурой. Много-много лет назад в Москве Роллан Сейсенбаев привел ко мне своего друга – молодого писателя Оралхана Бокеева. Он был не намного моложе меня. Роллан дал прочитать его подстрочные переводы и когда я воочию смог познакомиться с Оралханом Бокеевым, я увидел в нем замечательного художника, писателя. И тогда же я начал переводить его произведения, которые очень хорошо прозвучали среди русских читателей, они также были замечены за границей. Это действительно замечательный писатель – Оралхан Бокеев. Я его для себя определил так – казахский Кнут Гамсун. Мне очень печально, что он так рано ушел из жизни. Когда я приезжаю в Казахстан, мне его очень не хватает, очень.

Я очень люблю форму. Я в литературу пришел из живописи. А в живопись я пришел, когда все узнали, все были потрясены импрессионистами, постимпрессионистами: живописью Пикассо, Сальвадора Дали. И для нас молодых художников было задачей именно обрести новую форму, писать по-новому, найти свой новый рисунок, метод изображения. Когда я пришел из живописи в литературу, для меня была та же задача: мне всегда интересно, когда я вижу новую форму. И мои интересы были сполна удовлетворены великим авангардом литературы двадцатого века: творчеством латиноамериканских писателей, французских и японских авторов.

В казахской литературе есть что-то родственное русской литературе. Это такая значительная черта, как интерес к человеку. Вот это и роднит русскую литературу и казахскую. Возьмем Гумилева. Его философия пассионарности и евразийства родилась от этого духовного родства Степи и Руси. Здесь наше роднение, здесь мы можем понимать друг друга, здесь наши общие духовные интересы, здесь и находится то, что роднит казахскую литературу и русскую.

Вот я держу в руках журнал «Amanat», издаваемый Ролланом Сейсенбаевым. Между Казахстаном и Россией уже давно прерваны культурные связи. Этот журнал выходит на русском языке, и я вижу, что находится в программе реализации этого журнала. Я вижу здесь всех писателей мировой литературы. Всех писателей, которые создали эту великую литературу двадцатого века, основанную на создании своих языковых материков, горных краёв.

Литература двадцатого века, в ее классическом выражении, является литературой языковых систем. Все эти писатели в этом журнале наличествуют: Эрнест Хемингуэй, Абиш Кекилбаев, Хорхе Луис Борхес, Герман Гессе, Кобэ Абэ, Джон Апдайк, Гарсия Маркес и многие другие. Меня радует, что в Казахстане создано такое издание, которое трудно переоценить.

В России в советское время было такое издание, как «Иностранная литература». Теперь, к сожалению, нет такого издания, которое сосредоточило бы свое внимание на шедеврах мировой литературы в ее авангардном проявлении. То, что было в двадцатом веке авангардом, литературным ноу-хау, теперь уже стало классикой высочайшего уровня.

В журнале я вижу тот же принцип отбора классических литературных произведений двадцатого века в их авангардном значении. Это большое достижение для казахской культуры, которая свободно владеет двуязычием – русским и казахским. Насчет двуязычия есть много разных мнений, но одно мне кажется несомненным. Двуязычие является не пороком, а является огромным преимуществом для культурного человека. И страна, народ которой владеет двуязычием, через такие издания как «Amanat» получает очень много ценного от мировой культуры. Ведь это же все остается в республике, и ареал казахской культуры увеличивается на эти колоссальные пространства здесь перечисленных писателей.

В этом сила Международного клуба Абая, журнала «Amanat». Духовная, человеческая неистовость Роллана Сейсенбаева.

Он как Прометей охраняет огонь разума землян. Он не бережет себя, но при этом мужественно оберегает культуру, литературу своего народа.

Таких творцов мало. А в Казахстане он один.

И неповторим.

Анатолий Ким